

А
Николай Эдуардович Гейнце

Первый русский самодержец

Часть первая

Господин или государь?

I

В Новгороде

На дворе стоял сентябрь 1477 года.

Бледные осенние тучи бежали по небосклону. Из них сыпался мелкий частый дождь; отдаленные горы и вершины были покрыты как бы серебряною дымкою; ветер то бурливо завывал по ущельям, раскачивая макушки огромных дубов и шумя последними желто-красными листьями молодого осинника, то взрывал гладкую поверхность реки Волхов, и тогда, пробужденная от своего величественного покоя, разгневанная стихия бурлила и клочкотала, как кипяток.

Вдруг среди этих чудных по своему разнообразию звуков природы раздался звон вечеревого колокола в Новгороде: раз, два... и залился. Вся окрестность, содрогнувшись, заныла от этого звука.

Народ, слыша его, повалил буйными и нестройными толпами на Ярославово дворище, окружавшее вече, и буквально затопил его. Рогатки, заграждавшие улицы, раскидывались и трескали от напора толпы.

Призыв на вече раздался рано утром, и рогатки еще не были раздвинуты ярыжками {Полицейские того времени.}.

- Что за невзгода снова грозит на нас бедных! - восклицали иные бегущие вслух, а другие только думали то же про себя, спеша достигнуть двора Ярославлева, с которого несся вещий и пронзительный звук вечеревого колокола.

Без всякого порядка, без малейшего уважения к этому священному месту, бросился народ к воротам и стучал в них чем попало, угрожая выломать их, или же сшибить камнями звонаря, если его тотчас не впустят в общее собрание.

Несколько караульных, - иные с бердышами, иные с пищальми, чинно разъезжавших вокруг двора, - были смяты, а полусонные ярыжки, шатавшиеся в изумлении и хлопотах во все стороны с поднятыми, присвоенными их должности палками, были биты ими же.

Наконец, ворота подались, скрипнули, народ еще теснее прижался к ним, и они начали медленно растворяться.

Толпа с шумом, подобно бурному потоку, бросилась в них, но вдруг отступила, как бы пораженная внезапным видением, окаменела и мгновенно оказалась с обнаженными головами.

Архиепископ Феофил, во всем облачении, с животворящим крестом в руках, сопровождаемый знатнейшими сановниками, посадниками города и клиром, появился перед народом.

- Люди дерзновенные! - раздался среди наступившей могильной тишины его грозный голос. - Образумьтесь! На что покусаетесь вы и перед кем? Разве забыли вы, ослушники богопротивные, пред чьим лицом предстоите? Смиритесь и приложите внимание к грамоте, которую прочтут вам. Но предворяю вас: размыслить хорошенько, о чем пишет к вам законный ваш князь. Вот наместник его, прибывший к нам вчера о вечере.

Архиепископ указал рукою на бывшего тут же боярина Федора Давыдовича и продолжал:

- Не посрамите себя перед ним, дайте в душе вашей место голосу совести и отвечайте ему кротко, что внушит вам рассудок. Настало время решительное. Отечество наше зыблется. Вы сыны его; я пастырь ваш; мы должны поддержать, исцелить язвы, которые и прежде гнездились в самом сердце его! Обдумайте, решитесь и преклоните колена перед милосердной заступницей нашей, святой Софиею.

Феофил кончил и подал знак рукою. Посадник Яков Короб начал читать запросную грамоту великого князя:

- "Осподарь всея земли русския и великий князь московский, владимирский, псковский,